Ч. 21. Львôвъ 1. (13.) Падолиста 1876. **Годъ III.**

Выходитъ 1 и 15. кождого мѣсяца.

Предплата:
на годъ . 4 зр.
на пôвъ г. 2 зр.
на кварталъ 1 зр.

ДРУГЪ

Редакція и адміністрація улиця Краковска ч. 19.

Неопечатанй реклямаціи приймаются на почтѣ безплатно, и увзглядняются лишь до 14 дней.

ПИСЬМО ЛІТЕРАТУРНЕ.

ПОСТУПОВЕЦЬ.

Θадей роди Ивана,
Иванъ роди Петра;
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра?

А. С. Пушкинъ.

Ôнъ щи́рый чоловѣкъ! И сло́ва про́тивъ то́го!
Ôнъ лю́бить всё *своє* и не пошу́стить *свого*,
Хоть рака лазь!
Ôнъ ко́ждому якъ разъ у о́чи ска́же смѣло:
„Се зле, а се дурне́“ и „не твоє въ тôмъ дѣло, —
„До сёго зась!“
Ôнъ че́сный чоловѣкъ! Коли сварúться зъ вами,
Дока́зувати вамъ не ста́не кулака́ми,
Що „ось я правъ“;
Ôнъ че́сно васъ ганьби́ть, хоть въ за́палѣ не знає,
Що пра́вды й ло́гіки въ слова́хъ єго не має,
Мовь бѣсъ ихъ взявъ.
Та лишь одно́ бѣда́, що хоть ище й пôвъ копы
Не чи́слить лѣтъ, — уже одну́, незмѣнну вхо́пивъ
Иде́ю ôнъ, —
Уже якъ разъ дôйшо́въ до же́рела нау́ки,
Всю му́дрôсть вы́сербавъ безъ пра́цѝ и безъ му́ки, —
И лишь гуде́, мовь дзвôнъ.
Теперь уже нѝ кусъ! — Ôнъ чоловѣкъ скôнче́ный,
Є́му й яки́ гадки́, абы й якій учёный,
Не новина́.
Хоть ду́маєшь: Де ôнъ того́ ума́ набра́вся?
Хиба тогды, якъ ще изъ бу́кваря навча́вся,
Що — *наш-азъ*, на.
Но зъ жа́ртомъ прочь! Ôнъ мужъ май-мо́цно серіо́зный,
Для нёго весь вашъ трудъ нѝкчемный, куріо́зный,
Дита́ча гра;
Ôнъ выpôсъ вже давно́ изъ пра́цѝ для наро́да;
„Гмъ, гмъ, — — бо то менѣ часу́ и тру́ду шко́да
„Робúть на се́бе тра.“
Но хоть не Ци́церонъ, хоть не ора́торъ сла́вный,
Ôнъ на слова́хъ герой, ôнъ во́рогъ вѣчный, я́вный
Екстре́мôвъ всѣхъ...
„Я, я за по́ступомъ, — но тѝ гадки́ новіи,
„То згу́ба на́ша... гмъ... и на екстре́мы тіи
„Приста́ти — грѣхъ!
„Я лю́блю свôй язы́къ! Но хто го „коверка́є“, — —
„Де мо́жна... такъ... яко́сь... провінціалізмы пха́є,
„Той во́рогъ мôй!
„Я зго́ды хо́чу, — но не змѣню га́дки свéи!
„Божь такъ чѣпа́тися разъ то́и а разъ се́и!
„То... гмъ... застôй!
„Я лю́блю свôй наро́дъ! Но хто з выкида́є, —
„Той, — будьте ла́скавѝ... усё тутъ упада́є!...
„То... то дарма́!
„Най бу́де по́ступъ, — но екстре́мы, — храни насъ Бо́же!
„А впро́чѣмъ, — говорѣть хоть сто́ лѣтъ, — не помо́же, —
„Даруйте, но сли такъ, то рады вже нема!“

*Миронъ***.*

НА-ПОТЕМКИ.

(Продовженье).

— Дякую. Добре, що могу выпростуватись по такôй ѣздѣ.

— Якажь дорога!

— Порохи, що й свѣта Божого не видно.

— Але вы таки до насъ на вакаціи? промовивъ о. Аполинаръ.

— Такъ и есть; я бувъ такій смѣлый, щомь скориставъ зъ вашого запрошенья.

— Ярко що йно говоривъ, що малисьте ѣхати на якусь лекцію?

— Хто, я? Певно скомпонувавъ! Побѣгъ кудась горою, а мене оставивъ на возѣ; я злѣзъ на подвôрю и ледво сюда доблукався. Въ покояхъ нема нѝкого и въ кухни нема.

Справдѣ Ярко смѣявся, що такъ справно здуривъ усѣхъ.

— Єй но, но, дурисвѣте, навчу я тебе старшихъ дурити, — грозила тётка Анна Яркови, що мѣжь тымъ вже обѣгъ усѣ кльомбы и бачився вже съ Юзею, передразнюючись за букетъ.

— Збиточникъ, ôнъ вѣчно такій самый, промовивъ Телюкъ, — менѣ видится, у нёго така сама натура, якъ у васъ.

Послѣдній слова сказавъ до панны Зосѝ.

— До кого, до мене? запытала она.

— А такъ, до васъ, княжно.

— Чого мене господинъ такъ называютъ?

— Чи я се такъ назвавъ?

— Добре вамъ теперь смѣятись, сказавъ о. Аполинаръ — але тогдѣ наѣлись мы добре страху. Не знаете, що сталось съ тымъ напастникомъ шалапутою?

— Що? Взявъ и поѣхавъ кудась.

— И не розъяснилось дѣло?

— Не знаю, не звѣдувавсь.

— Але чому господинъ кажутъ, що у мене натура Ярка?

— Абожь я не мавъ способности васъ пôзнати у Львовѣ?

— За такъ короткій часъ?

— Для мене достаточный.

О. Аполинаръ преспокôйно дальше пакавъ собѣ файку.

— Ну, ну, — промовивъ, не выпускаючи файки зъ устъ, — прецѣнь вже поставився на ноги мôй Ярко. Але я певный, що бôльшу часть вамъ, господине, завдячити маю. Я вамъ дуже благодарный.

Тутъ знисходячо устисъ на ново руку Телюка.

— О, певно, що се бôльше пана директора заслуга, нѣжь того... того... (туть тётцѣ що йно не вырвалось: „урвителя“; но якось стямилась ще на встрѣчи).

— Э, панство, виджу, передаете. Що бы я мôгъ, якъ бы ёму не схотѣлось? Лѣйкою розуму въ голову не влью.

— Та мôй Ярко мае талантъ, но не хочется ёму учити: свавôльный.

На ту тему и на другій тымъ подôбній, що звычайно горячо обговорюются по случаю приѣзда на вакаціи, зôйшло незамѣтно чверть годины.

Рада семейна т. е. о. Аполинаръ и тётка Анна рѣшили, щобъ Ярко вчився пôдъ окомъ Телюка пôдъ часъ вакацій и повторивъ те, що давнѣйше занедбавъ.

Тётка Анна дуже вподобала собѣ Телюка, та и Зося якъ разъ змѣнила свôй поглядъ. Таже ôнъ найперше до неи заговоривъ, таже ôнъ явно сказавъ, що на ню дуже уважавъ! И малая Юзя видимо занялась нимъ: опершись о побѣленый, деревянный стовпъ ґанку и встромивши пальчикъ въ губу, дивилась она пильно своими повными оченятами на нёго, зважала на кождый найменчій рухъ ёго.

— Всё то дуже добре, промовивъ Ярко, — але мы голодній, принаймѣй я дуже таки голодный. Не знаю, якъ тамъ панъ директоръ, — най собѣ говоритъ, але менѣ тётю дайте хочь кавы.

Опамяталась на те тётка, звычайно хозяйка. Оглянулась кругомъ и побачила Зосю не въ фіолетовôй сукни, а Юзю съ пальчикомъ въ губѣ.

— А ты паскудна! — и ударила Юзю по руцѣ ажь лоскôтъ пôшовъ.

Юзя зачервонѣлась, скрывилась на плачъ, закрыла лице рукавомъ и ôдвернулась; но Телюкъ запримѣтивъ се и зара заступився:

— А то панѣ немилосерній, за що таку красну панночку бити?

Ôнъ приступивъ до Юзи и уцѣлувавъ еи ручку, червону ôтъ удару. Юзя ще бôльше заховалась у рукавъ.

— Вы бо, пане директоръ, гетъ менѣ еѣ розпестите. Она похожа на Ярка.

— Такъ зле не є, сподѣюсь. Правда, що ты кречна?

Телюкъ схилився, ôднявъ руку Юзи ôдъ лица, погладивъ по лици и поцѣлувавъ въ чоло.

Юзя засоромилась и хотѣла утѣчи, но Телюкъ придержавъ ю.

— А бачите, промовила тётка, — яка кречна, утѣкае, гей передъ вовкомъ.

Юзя силувалась вырватися.

— Но, но! крикнула тётка, — ты зъ лѣса?

Бѣдне дѣвчатко розплакалось въ рукахъ Телюка.

— Ось маете, то нашi дѣти всѣ такi якiсь! и тётка заломила руки.

— Цыть, цыть, — втихомирювавъ о. Аполинаръ свого любимця, ласкаючи по головѣ.

— Те свавôльне, репетувала за той часъ тётка Анна, — те розтрѣпане, непослухъ, те зновь плаксиве... Господи, годѣ вже выдержати. Бачите, ось ту (она всказала на Зосю), знае, що чужi люде приѣдутъ, нѣ, бабрается поти въ своихъ квѣтахъ, обмурается, обгидится, ажь не застанутъ еи. Чи красно се? що собѣ подумаютъ? — нехлюйна.

Зося на тi слова втѣкла до хаты. Телюкъ видѣвся приневоленымъ заступитись и за Зосю.

— Противно, кождый чужій подумае: господарна, дармо не сидитъ и до зеркала не придивляется.

— Такъ, такъ, въ очи, — а по за очи, хто знае, що?

Телюкъ не знавъ, що мае казати. Ôнъ не давъ поводу, щобъ го посуджали о обмôвнôсть; а прецѣнь сказане до него ôдносилось. О. Аполинаръ вмѣшався теперь, стараючись затерти зле вражѣнье Телюка.

— Этъ, бо вы, Анно, всегда на людей дивитесь чорно!

— Нѣ, нѣ, не то, — промовила Анна, котра справдѣ не такъ зле того разу думала, якъ сказала, — противно, кажу, що люде въ правѣ такъ судити: якъ тя видятъ, такъ тя пишутъ.

На щастье зъ дальшого клопоту звинятись выбавивъ Ярко, котрый мѣжь тымъ розпорядився въ покояхъ, и съ помочью Гандзи, старои служницi, що выбавила и выняньчила всѣхъ дѣтей о. Аполинара, (и проте, якъ бы належала до семьи и зазнавала великого довѣрія), — приладивъ стôлъ до пôдвечôрка та й самъ вже затинавъ грубу байду хлѣба зъ масломъ. Ярко явився въ дверохъ на ґанку и сказавъ:

— Пôдвечôрокъ вже готовъ. Гандзя заразъ подае каву.

При тôмъ вкусивъ ôнъ свою байду, видимо собовь довольный.

— А, то прошу, прошу до покою, — промовила Анна.

За кôлька хвиль сидѣли вже всѣ при столѣ въ ѣдальни.

Помешканье було досыть просторе и веселе. Пять покоикôвъ, пекарня, кухня, спижарня и сѣни складались на нёго. При пекарни заразъ була ѣдальня, котра служила и за спальню для тётки, дальше въ одинъ бôкъ покоикъ дѣвчатъ — Зосѝ и Юзѝ, а въ другій бôкъ покоикъ, зъ котрого выходилось на ґанокъ и городець; дальше слѣдувавъ великій покôй и ще дальше одинъ менчій покоикъ, що бувъ и канцеляріею, спальнею, кабинетомъ и пр. пр. о. Аполинара. Зъ нёго выходилось до сѣней а зъ тыхъ въ одинъ бôкъ до кухоньки, въ другій до пекарнѝ а въ третый на подвôрье.

За тыхъ кôлька мѣсяцѣвъ, що проминули ôтъ спровадженьяся о. Аполинзра, запроваджено скрôзь якъ найбôльшій ладъ. Всюда видно було дозôръ, бачне око, робочу руку. Великій покôй бувъ навѣть роскôшно пристроеный: канапы и крѣсла обиванѝ зеленою матеріею съ пасами жовтыми и синими, пôдлога запускана воскомъ и въ части закрыта дываномъ, що лежавъ пôдъ столикомъ, фіранки чистѝ, бѣлѝ, квѣты по ôкнахъ и на однôмъ столику, стѣны малёванѝ въ синѝ квѣты, — а на стѣнахъ цѣла галицка Русь въ фотоґрафіяхъ.

— Панъ директоръ каву? — запытала тётка Анна, обôймаючи при столѣ дѣяльнôсть хозяйки.

— Прошу.

— А я волю вже таки кисле молоко, — обôзвався Ярко, смаруючи собѣ на ново другу пайку хлѣба.

— Що, що? тобѣ все чогось забагается!

— Лѣкарѝ у Львовѣ и скрôзь по божому свѣту тôлько й ординуютъ кисле молоко на лѣто. Дуже здорове...

— То, то, то. Та що за пожива въ нѣмъ? Лучше пий те, що и другѝ. Ще за молокомъ ходити до погребу.

И тётка ставляла по черзѣ склянку за склянкою кавы передъ Телюка, о. Аполинара и Ярка.

— А де Зося? — Зосю!

— Иду, иду.

И Зося явилась изъ своеи кôмнатки, убрана по наказу острои тётки.

— Сѣдай!

Зося сѣла, но зъ сорому не смѣла ще очій до горы пôдняти, она й ôтказалась ôтъ кавы.

— А ты, плаксо?

— Я не плакса! — майже крôзь слёзы промовила Юзя.

— Тихо дитинко, не плачь, — втихомирявъ о. Аполинаръ, — не дразнѣтъ бо еи!

Мовчки стали всѣ ѣсти. Ярко першій покôнчивъ, выбѣгъ до пекарнѝ а за хвилю широко ôтворивъ дверѝ, несучи спорый молочнякъ кислого молока, що зъ погребу принесла Гандзя.

Згорблена старуха съ поораным, мовь вôскъ жовтымъ лицёмъ несла за нимъ талѣрь и деревяну ложку. Се була Гандзя.

Съ тріюмфуючою міною поставивъ Ярко горщикъ на стôлъ и ставъ поданою ложкою збирати на тарѣль густу сметанку, що, мовь сафіянъ, полыскуючись покрыла всю поверхнôсть молока.

— Отъ такого у Львовѣ менѣ!

При тôмъ перехиливъ горнець (щобъ скорше наляти) и ажь по серветѣ розбрыскалось густе, якъ драглѝ, молоко.

— Эхъ то незграбный! — промовила Зося и стала стирати. Она взяла й собѣ другій тарѣль, назбирала трохи сметанки, доляла молока и сѣла. Телюкъ помалу запускався въ бесѣду съ о. Аполинаромъ; ôнъ зиркавъ зъ пôдъ ока на Зосю, любувався еи красою, еи повною статью, еи швидкими рухами. Она видѣла те, и ще гôршь поломенѣлась.

— А що тамъ нового у Львовѣ, — пытавъ о. Аполинаръ, ставляючи порожну склянку ôтъ кавы и обтираючи губу о серветку. Юзуню! дай но менѣ файку!

— Этъ, багацько й нѝчого! не знати зъ котрои бочки й начинати, — ôтповѣвъ Телюкъ, спѣшучись и собѣ чимъ борше допити свою каву.

Помалу завелась бесѣда то про те, то про се. Приемножь оно й говорится, коли сидишь при заставленôмъ столѣ, та не маешь инчои журбы, крôмъ тои, щобъ свое черево добре натасувати.

Тётка Анна найбôльше говорила. Она оповѣдала, якѝ мала клопоты, закимъ урядила всё пôсля перевозинъ.

— Всё ту красче, нѣжь у Мазовѣ, и хата догôдна, и будынки хоть куды — завтра мусите, пане директоръ, всё оглянути — и земля добра, — пасовиско добре, — тôлькожь люде, охъ! то не люде, то товарина! Послухати, они ту не знаютъ, проси, моли, нѣ! А яке то всё зарозумѣле, кробрне! Господи, якъ жию, щось подôбного не видала!

Тётка Анна зачепила о слабу струну Телюка. Очи у нёго заискрились. Схопився.

Бувъ ôнъ родомъ мѣщукъ, походивъ зъ убогои мѣщанскои родины зъ Городка, та добре придивився бѣдѣ нашого убогого люду. Мѣщане Городка не далеко ôтскочили ôтъ селянъ. Якъ бы не сукняна опанча, не булобъ таки жаднои рôжницѝ; они такъ добре землеробы, якъ и всѣ хлоны, такъ добре темнѝ, всѣми поневѣранѝ, вызыскуванѝ, якъ и кождый другій темный нашъ христіянинъ, — а зъ бѣдолацтва ихъ та нужды мôгъ ôнъ нехибно заключати на подôбну нужду...

— Такъ? — поспытавъ ôнъ дрожачимъ голосомъ, а були панѣ хочь въ однôй якôй хатѣ? Придивились панѣ, чи маютъ тіи кробрнѝ люде часу на послуханье?

— Га, га, та чомъ бы имъ не мати! (зызоока

тётка не добачувала зрушенья Телюка, она тягнула дальше) якъ ихъ въ хатѣ душъ сѣмь, ôсмь або й бôльше, багацько значить, якъ одно прийшло бы тамъ днину жати? Детамъ, розпаскуджений таки такъ. Ту тôлько за семый снôпъ! Инакше й не говори. Ты ори, сѣй, ходи, доглядай, а жнець потôмъ бере семый снôпъ! Почекайте, сёго року таки я возьмусь до нихъ инакше.

— Та якже?

— Побачите самѝ. Толоку зроблю, музыку обѣцяю, вечеряти подамь.

Телюкъ замовкъ и придусивъ въ собѣ те, що мавъ казати.

— Якъ же й те не поможе — тягнула тётя, — начну инакше. Абожь то ксёндзъ не мае нагоды? Чи весѣлье, або що, припôмну кождому зъ осôбна. Побачите, за кôлька лѣтъ укоськаю.

О. Аполинаръ, хочь и незаймався господаркою, видимо годився съ выводами своей сеструнѝ: ôнъ ласкаво глядѣвъ на ню зъ подлôбья — лице звернене було до файки — и „благосклонно“ осмѣхався.

— Кажу вамъ, панье директоръ, — репетувала свое Анна — то скотина, не люде, на вдячнôсть и не надѣюсь. Треба самому ôдвдячуватися... Та й звычаи ту якѝ? Якъ бы жадниѝ! И те съ часомъ змѣнимо! На весѣлья принесе курку або й то нѣ. За похоронъ газды ледво пять паперѣвъ...

— За Службу Божу й не чувати, — вставивъ о. Аполинаръ, — тутъ Служба якъ въ недѣлю, то зновь ажь въ недѣлю.

— Якъ бы не та свята землица, то прийшло бы зъ голоду згинути.

— Алежь и подôльска землица сторицею родитъ! замѣтивъ Телюкъ, хотячи звернути немилу для нёго бесѣду на що инче, — ту, кажутъ, земля стане за всѣ церковнѝ приходы. Ихъ бы й не треба зôвсѣмъ, щобъ бѣдныхъ людей ще бôльше не нищити та не ôтхилювати ôтъ себе.

— Ба, прихилюйте ёго до себе, ховайте го за пазуху, а ôнъ укуситъ васъ, якъ та замерзла гадюка въ казцѣ, — твердила все свое тётка Анна, безперестанку дивлячись на кôнчикъ свого носа. Повѣрте, панье господине, не варто за нимъ розбиватись! Хлопа смаруй медомъ, а ôнъ все смердитъ чосникомъ!

Вся мана спала зъ очей Телюка. Ôнъ ѣхавъ до о. Аполинара въ инчôй надѣи, а найшовъ те саме, що и скрôзь, де му лучилось бувати. Колибъ о. Аполинаръ бувъ справдешнимъ патріотомъ, якъ ёго окричали, чи почувъ бы ôнъ такѝ рѣчи въ ёго хатѣ — при нему же! Тётка Анна ôттрутила на всегда Телюка ôтъ себе. Неодолима антипатія овладѣла нимъ. Съ тои хвильки минавъ ôнъ ю, якъ злу долю.

Телюкъ не хотѣвъ першого вечера въ гостинѣ довшою суперечкою занепокоити... ôнъ вставъ съ болячимъ серцемъ, обтеръ капліѝ поту, що му выступили були на чоло, и выйшовъ пôдъ позоромъ духоты на ґанокъ.

Выходячи глянувъ ще на Зосю. Еѣ видно не обходивъ той цѣлый розговоръ зôвсѣмъ инчого. Власне бо зѣвнула такъ щиро, ажь ѣй слёзы стали въ очохъ.

— Де те „благородіе“ душѝ? подумавъ ôнъ, — я перенятъ такими рѣчами до глубины, а она зѣвае!

Не минуло и пять хвиль, за Телюкомъ явилось цѣле товариство на ґанку. Нѝхто незапримѣтивъ бувъ до теперь великого зрушенья Телюкового, томужь усѣвши на лавцѣ зачавъ о. Аполинаръ на ту саму тему дальше.

— Отъ бачите, примѣромъ, я вже 18 лѣтъ священникомъ, ревно и щиро выповняю свои обовязки, роблю навѣть бôльше, якъ треба, высвѣдчаю добродѣйства, — а думаете, трапився менѣ хочь одинъ случай вдячности? Куды, куды! — нашъ хлопъ то правдивый звѣръ.

— Та якъ вы, Всечеснѣйшій, можете щось подôбного и подумати! Тажь вы проповѣдникъ слова Божого, — промовивъ Телюкъ гнѣвно, — ваше дѣло просвѣтити хлопа, сли такій темный.

— Добре, добре. Абожь ôнъ хочется просвѣтити? Якъ бы въ школѣ и церквѣ давали горѣвку за дармо, а то може бы принадилисьте, — може бы приходивъ, — а такъ упирается и того и сего. Нашъ хлопъ нѝколи не дастся просвѣтити.

— Що? абожь ôнъ мае иншу душу, якъ вы? перебивъ Телюкъ, приступаючи до о. Аполинара; та якъ ёго не просвѣтите, то ôнъ и не просвѣтится, бо й не знае, на що му того, — се дѣло интелигенціи. Але чомужь бы не дався просвѣтити?

— Позвольте, господине, начавъ о. Аполинаръ, я вже старшій — досвѣдченѣйшій. Якъ я бувъ въ вашихъ лѣтахъ, и по моѣй головѣ лѣтали мрѣи. Теперь инакше! Знаю я вже, що не варто жертвуватись за народъ. Я народолюбець, — того менѣ не заперечите, — але и знаю народъ зъ практики. Вы ёго научайте, грудей си збавляйте, а таки не пригорнете до себе, — леда пôдшептамъ арендаря дасться звести. Вже то вы твердѣтъ свое, а я обстаю при своѣмъ.

О. Аполинаръ розгарячився незвычайно. Наговоривъ стôлько несподѣвано, „народолюбного“, що Телюкови волосье ставало на головѣ; протесты и доводы остали безскуточными. О. Аполинаръ твердивъ съ цѣлою певностью, що поступъ народа нашого не мыслимый, що тôлько священники, вздвигнувши Русь 48-го року, пôддержуютъ ю що силы, — що полѣпшенье дотаціи клеру може спасти Русь ôтъ загубы, — що сли якій священникъ и дре хлопа, то на тôмъ ще нѝчого такого злого, — ôнъ бо приневоленъ старатись на

свои дѣти та и жити якось ôдповѣдно до стану.

Телюкъ сноривъ такожь не менче горячо; ôнъ подивлявъ вузкй погляды всечестного отця, удивлявся недостатку майже елементарныхъ понятій, гнѣвався на тую зарозумѣлôсть, съ якою боронивъ противникъ свою мудрôсть. Тѣтка Анна давно усунулась до пекарнй роспоряджувати въ господарствѣ, Зося слухала и зѣвала, Ярко сидѣвъ въ покояхъ и щось тамъ порався. Юзя такожь не сидѣла на ґанку. Спôръ вели тôлько Телюкъ и о. Аполинаръ, безъ всякои лоичнои звязи, — вѣчно перебиваючи одинъ другого, вѣчно ôтскакуючи ôдъ рѣчи.

— Татуню, — промовила Юзя, швидко надбѣгши зъ покою, — прийшли до хресту.

— Ну, видите, — съ новымъ запаломъ гнѣву промовивъ о. Аполинаръ, — ось и маете, кôлько разôвъ прошу, молю: „приходѣтъ завчасу до хресту“, де тамъ, упертый мудь! Коли вже часъ спати, тогдѣ ôнъ до Егомостя. Иди му теперь на услуги, а чи ôнъ знае то оцѣнити? — належится ёму.

При тыхъ словахъ побѣгъ о. Аполинаръ до пекарнй, де дожидали кумы.

Телюкъ и Зося остали на ґанку самй. Довго не говорили нйчого. Темна нôчь окружала ихъ изо всюда. Яснй зорй и мрачна молочна дорога тôлько й освѣчували чорное небо. Селомъ запанувала вже тишина, лишь зъ далеку ôдъ рѣки чути було троха плескъ колѣсъ млына, що оподаль заховався мѣжь купкою вербъ и ôльхъ. Лѣсъ на противнôмъ горбѣ дрѣмавъ весь въ мрацѣ, тихій, поважный. У воздусѣ була якась мягкôсть, якась свѣжôсть, якась просторôсть, що и грудь чоловѣка мимохôть вôльнѣйше та приемнѣйше дыхала, и духъ веселѣйшавъ, — кидавъ земнй шары.

— Чудно у васъ! — шепнувъ Телюкъ, мовь бы боявся голоснымъ говоромъ занепокоити ту тишину. Чудно у васъ! — повторивъ ôнъ вдруге, коли ёму нйхто не ôтповѣдавъ.

— Подобались вамъ нашй стороны? — запытала несмѣло Зося.

— Стороны дуже, але не люде.

— Не люде? а то якже? таже ось ино що боронилисьте нашихъ людей, хочь, ей Богу, несправедливо. Я сама переконалась, що тутешнй люде недобрй.

— И вы такъ само?

— Бо се правда; доконаетесь, якъ захочете.

— Алежь я говоривъ въ загалѣ о людяхъ, не конче о мужикахъ, бо съ тыми ще и не говоривъ.

Зося зрозумѣла, що хотѣвъ сказати Телюкъ, — замовкла. Досада и гнѣвъ волнували нею: „я не подобалась ёму, и ôнъ то каже менѣ въ очи, та ще до того такъ насмѣшливо“. Зося й не думала о тôмъ, що чоловѣкъ може неподобатись и зъ своихъ переконань, зъ своихъ засадъ.

Настала зновь тишина. Телюкъ зôйшовъ въ огородець, глядѣвъ на зоряне небо, на падучй звѣзды, на мракою сповитй сѣножати. Зося вернула до хаты.

Въ пôвъ годины опôсля сидѣли ще разъ всѣ при вечери. О. Аполинаръ охрестивъ власне дѣтину, прото сѣдаючи до столу объявивъ, мовь для своеи обороны, що не додержавъ грозьбы:

— Якъ бы не трапило на присяжного, бувъ бымь нагнавъ, а такъ ще сей разъ пустивъ.

— Впрочѣмъ, — тягнувъ по хвили, — ôнъ извинявся, що кумôвъ не мôгъ такъ скоро зôбрати та що дѣтина слаба. Бо, знаете, звычайно тôлько и прилѣзе мужикъ, пьяный якъ нôчь, та белендитъ, що бувъ цѣлый день на роботѣ.

— Оно певно й правда, — промовивъ Телюкъ, — якъ робочій часъ, чомужь не мавъ бы бути на роботѣ, годѣжь ёму за дня тратити дорогу годину.

— Охъ, вы, господине директоръ, ще дуже идеалистъ. Я, я кажу вамъ зъ практики. Не такъ оно, якъ выдается.

На тôмъ и закôнчився перший вечера дразливый спôръ.

VII.

Телюкъ, якъ высше вже згадано, бувъ мѣщукомъ, сыномъ народа, и чувъ всѣмъ серцемъ цѣлу нужду народну. Придивлявся ôнъ зъ близька, якъ то изо всѣхъ бокôвъ експлоатуется той темный людъ, що, правда, сидитъ у всѣхъ Русинôвъ всегда на кôнци языка, но не въ серци.

Телюкъ зрôсъ середъ нашихъ партій, тому и знавъ ихъ хибы. Одна и друга наша, ба и шляхецко-польска, уважаютъ себе, кожда выключно для себе, *народными*. А якъ мало знаютъ народъ! Задачу народовця Русина понимавъ ôнъ инакше, нѣжь одна и друга партія, що сварится тôлько за языкъ, за буквы, а если и голоситъ про просвѣту, то бôльше фразами изъ-за моды часу.

Сли о. Аполинаръ сказавъ о нему, що ôнъ идеалистъ, — то назва та була дуже причѣльна. Телюкъ бувъ щирый, безкористный идеалистъ, готовый для всѣхъ на земли сотворити небо, готовый пожертвуватись за бѣдного упослѣдженого и вызискуваного „молодшого брата“ та и тымъ безконечно высше стоявъ ôтъ свого „реального“ противника. Не національну сторону превозносивъ ôнъ, — якъ се майже безъ вынятку у насъ дѣется и до теперь, — а соціяльну, котра, по ёго переконанью, сама собовь обнимае першу, но котра за те дозваляе станути на ширшôмъ свѣтоглядѣ, доразу выяснити запутанй понятія о народѣ.

Не спорами изъ-за приналежности до 17-ти або 62 милiонôвъ, изъ-за введенья „общерусского языка“ яко книжного, слѣдуе спасати тутешнiй народъ галицкій ôтъ цѣлковитого зъубоженья и демораліза̀ціи, — до того треба чогось бôльше ре-

ального та пожиточного. Ôнъ и кинувся студіювати народъ изъ ёго соціяльного боку.

Багацько запримѣтивъ ôнъ такого, що, якъ здорове зерно, кинене въ плодовиту землю, моглобъ принести несподѣваный пожитокъ. Та не доводилось ёму посѣяти ту здорову свою гадку на плодовитый ґрунтъ. Ôнъ обертався звычайно мѣжь такими людьми, котрî здавна подабали скорше на пѣскову пустыню або на камѣнну ялову гору, нѣжь на чорноземь.

Спытаете, чомужь не дѣлавъ ôнъ мѣжь академиками? Хто знае роздѣлъ молодыхъ силъ въ 1873. р. и скорше на два противнî таборы, хто знае близше обставины тогдашнî, — той не подивуеся, що и тутъ не було поля для Телюка.

Безъ пониманья самыхъ себе, безъ желанья зблизитись и спôльно порозумѣтись надъ тôлькими дѣлами, нашî академичнî товариства стояли зашкаралущенî одно супроти другому, якъ двѣ скалѣ тѣснины Ґібральтару, — на позôръ тихо, спокôйно, — та справдѣ бездѣльно.

Всяка смѣлѣйша гадка, що моглабъ статись живою, принималась зъ обохъ сторонъ недовѣрчиво.

Телюкъ хотѣвъ вступити въ оба товариства та съ часомъ ихъ зблизити. Но самъ той помыслъ бувъ на той часъ дуже нещасный. Зачувъ хтось зъ колеґôвъ про нёго, и Телюка не принято до „Академ. Кружка“, яко угодовця и украинця.

Знеохоченый вже на самôмъ починѣ, Телюкъ не вступавъ вже и до „Друж. Лихваря“ тымъ бôльше, що поѣхавъ на село на вакацію. На другій курсъ вернувъ вправдѣ до Львова (и тутъ учивъ Ярка, якъ читателямъ звѣстно), но изъ-за сварôвъ товариствъ не вступавъ нйкуда, а радше горнувъ докола себе кôлькохъ своихъ щирыхъ приятелѣвъ. Тôлько тî понимали Телюка, поважали ёго задушевнî гадки, хилились до нихъ, но на дѣлѣ не выконували...

Лучалось Телюкови бесѣдувати въ дѣлахъ народныхъ и съ окричаными патріотами.

По спорахъ такожъ, якъ ось съ о. Аполинаромъ, слѣдувала звычайно, втома и апатія, но молоде серце вскорѣ перемагало, горяча фантазія порывала наново: Телюкъ зновь вдавався въ споры, горячився, доказувавъ, но не видѣвъ и слѣду якогось результату.

Идеею тою народного горя бувъ ôнъ такъ на скрôзь перенятый, що всяке ине чувство, здавалось ёму, не могло у нёго найти пристанища. Ôнъ при всѣхъ нагодахъ допытувався про всѣлякî разящî факты, списувавъ ихъ, хранивъ той збôрникъ, якъ якій покладъ, — та въ данôмъ случаю сыпавъ примѣрами, якъ горохомъ по помостѣ, — ôнъ, може й бути, носився съ гадковь, колись збôрникъ той печатно оголосити, — поки що ôнъ ёго пильно доповнювавъ.

Такъ и засѣвъ рано другого дня по приѣздѣ въ Н., списувати, що зазнавъ зъ вечера. Въ покою великôмъ, де ночувавъ, панувала рання тишина. Зъ ôкна, що выходило на подвôрье видно було понадъ стодолу довге пасмо стрѣхъ, деревъ на ясноблакитнôмъ фонѣ. Небо вѣщувало хорошу погоду. Сонце ще й не выкотилось, а тôлько далекій горбъ, весь покрытый жовтавою пшеницею, мовь бы загорѣвавъ докола. Такъ облямованый бувъ ôнъ золотою пасмужкою соняшного свѣтла, що подабавъ на голову якогось святого на иконѣ. Череда стояла на улици, дожидаючись, коли вже разъ рушитъ зъ мѣсця.

Телюкъ выглянувъ крôзь ôкно — не видно було и живои душî. Дверî до обохъ сусѣдныхъ комнатъ були замкненî. Въ алькерику о. Аполинара чути було шоршанье и харканье. О. Аполинаръ вже не спавъ, ôнъ або встававъ, або може чимъ занимався, ôтпочиваючи ранѣшнёю дрѣмкою.

Телюкови прийшла теперь мысль, перейтися по селу та выкупатися де въ рѣцѣ. Потихо зôбрався ôнъ, ôтчинивъ дверî до сусѣдного покоику, выйшовъ на городець, перелѣзъ плôтъ и зôйшовъ подвôрьемъ на улицю.

Зъ уличкы входилось на широку дорогу, що протинала село на двѣ половицî. Ôдъ неи провадили поменчî улички на оба боки до поединчихъ загородъ, окруженыхъ вербами и иншою садовиною.

Мрака добре ще залягала долинами, а роса грубо бѣлѣлась на травахъ и змокравѣла порохъ на дорозѣ. Слѣды череды видни були на нёму, якъ по малôмъ дощи.

Вохкôсть и свѣжôсть обняли Телюка, коли перейшовъ дорогу на поперекъ и спускався въ дôлъ до рѣки иною уличкою.

Ёму напротивъ улицею нагнала якась стара, суха жёнка двѣ коровѣ и кôлька овець. Не була она ще и одѣта, такъ якъ на пастуха выпадалобъ. Съ розчепѣрханнымъ волосьемъ, боса, бѣгла она держачи въ рукахъ якусь ломаку. (Дальше буде.)

Изъ повѣсти Густава Флобера.

САЛАМБО

(Урывокъ.)

(Подаючи нашимъ Читателямъ невеличкій уступъ изъ повѣсти Густава Флобера, знаменитого французского писателя натуральной школы, повѣсти зъ часôвъ Картагинскихъ п. з. Salammbô, — розкажемъ упередъ коротко, що потрѣбне для его належитого зрозумѣнья. Рѣчь, становляча содержанье повѣсти, — дѣеся межи першою а другою пуницкою вôйною. Наемничî вôйска, котрыхъ Картагина уживала въ вôйнѣ зъ Римлянами, за неуплату надгороды збунтувалися и почали воювати

саму Картагину. Гамилькарови Баркасови, ôтцю славного Ганибаля, приходится спасати ôтчину ôтъ тыхъ, що еи колись пôдъ его таки проводомъ боронили. Но мъсто, высилене попередною вôйною, не може го належно поперти, — и наемникамъ удаеся великими товпами облячи саму столицю. Довго ведеся затята борьба на мурахъ, — но пôдъ конець въ Картагинъ не стае поживы, — що гôрше, не стае воды. Велика Рада за намовою жерцьвъ рѣшае справити великiй празникъ на честь Молоха, бога знищенья и учестити го жертвою зъ дѣтей самыхъ найперших домôвъ. Така доля мае постигнути и Гамилькарового сына Ганибаля. Жерцй Молоха высылаютъ своихъ пôслôвъ у мъсто, щобы по домахъ збирали дѣтей).

Люде въ чорныхъ одежахъ явилися по домахъ. Богато родичѣвъ утѣкало тогды, нйбыто для закупу поживы або за справунками, а прислужники Молоха забирали дѣтей, лишеныхъ на ихъ волю. Другй зновь сами ôддавали свои дѣти въ понурôмъ мовчанью. Ôттакъ ведено ихъ до святынй Таниты[1]), котрои жрицй мали обовязокъ бавити и годувати дѣтей, ажь до поры ихъ жертвы.

Ненадѣйно страшнй тоти пôслы явилися и въ Гамилькаровôмъ домѣ. Застали го въ городѣ.

— Баркасе, — сказали, — приходимо по знану ти рѣчь, по твого сына!...

Суфетъ[2]) ставъ, мовь громомъ раженый. Но скоро понявъ, що дармый бы ту бувъ усякiй опôръ. Склонився, и увѣвъ прибувшихъ до торговои хаты. Прикликанй невôльники обступили еѣ доокола, щобы пильнувати жерцѣвъ.

Гамилькаръ сейже часъ поспѣшивъ до кôмнатъ своеи дочки, страшно пригнетеный. Тамъ хопивъ одною рукою Ганибаля, другою обôрвавъ защѣпки одежй, котру стягнувъ зъ хлопяти. Потôмъ звязавъ му руки и ноги, протягъ кôнцй черезъ уста творячи родъ затычки, и такъ перемотульканого сховавъ пôдъ ремѣнне лôжко спускаючи ажь до землй сфавдовану опону.

Ôттакъ зачавъ быстро переходити зъ кôнця въ конець кôмнаты, пôднѣсъ рамена, обернувся, грызучи уста, — а потôмъ ставъ зъ очима вбитыми въ одну точку и захолѣстався, мовь передъ самовь смертевь. Но наразъ... плеснувъ три разы въ долонй, — Гидденемъ[3]) увôшовъ.

— Слухайно, — сказавъ до нёго Гамилькаръ, — иди, выбери зъ межи невôльникôвъ дитину, хлопя, лѣтъ, — отъ такъ осьми до десяти вѣку, — съ чорнымъ волосьёмъ и выпуклымъ чоломъ, — приведи ми го сюда, — а живо!

Небавцй Гидденемъ вернувъ приводячи хлопя.

Була то дитинка дуже нужденна, выхудла и обпухла вразъ — лицёмъ сѣра, подôбно тому гидкому лахови, що на нѣй висѣвъ. Хлопчина схиливъ голову и ôдверненовь руковь протиравъ очи, котрй му обсѣдали мухи. Якъ го ту можь було рôвнати зъ Ганибалёмъ?... Но не було коли выбирати другого.

Гамилькаръ поглянувъ на Гидденема, мовь бы хтѣвъ го удусити.

— Прочь пôшовъ! — сказавъ, — а дозорця невôльникôвъ щезъ за дверима.

И такъ нещастье, котрого ся такъ ôддавна стерѣгъ, надôйшло, — а ôнъ зъ высилкомъ дикои розпуки шукавъ способу, якъ бы го уникнути.

Одинъ изъ слугъ загомонѣвъ за дверми. Кликано суфета, бо прислужникамъ Молоха вже наввѣрилося ждати.

Гамилькаръ скрикнувъ, мовьбы спохвативъ за розжарене зелѣзо. Мовь скаженый, зачавъ на ново шибатися по кôмнатѣ. Вконець оперся лôктями на поручью и стисъ чоло долонями.

Ôттакъ въ порфировôй посудинѣ, де було троха чистои воды, що служила для умыванья его доньцѣ, суфетъ мимо ôдразы и гордости, зануривъ дитя и мовь торгуючiй невôльниками, зачавъ го чистити щѣткою, та червоною глинкою. Пôсля того взявъ два квадратовй кусники пурпуры, однымъ обгорнувъ груди, а другимъ плечй хлопця и позащѣплювавъ ихъ хорошими діяментовыми спинками. На голову нальявъ пахуты[1]), на шiи завѣсивъ бурштиновый нашийникъ, а на ноги узувъ му сандалки, перлами шитй, — сандалки своеи доньки. Роблячи те всё, ажь трясся зô встыду и зрушенья, а Салямбо, що старалася й собѣжь допомогати ôтцю, була такъ само блѣда. Лишь дитя усмѣхалося, ослѣплене незнанымъ блескомъ, а навѣть осмѣлившися, почало плескати въ долоньчата и пôдскакувати. Гамилькаръ вывѣвъ го съ собовь держачи за руку такъ сильно, мовь бы лякався го стратити. Дитя зъ болю зачало плакати и вырыватися зъ рукъ суфета.

Коли переходили мимо ергастулй[2]), зъ пôдъ пальмы дався чути голосъ сумный, молячiй:

— Пане, о пане!

Гамилькаръ обернувся и побачивъ чоловѣка ôдражаючои поверховности, одного зъ бѣдолахôвъ, що случайно швендалися коло хаты.

— Чого хочешь? — запытавъ.

Невôльникъ увесь дрожачи простогнавъ:

— Я отець тои дитины.

Гамилькаръ не задержувався довше, — а тамтотъ нещасный ишовъ за нимъ, згорбленый, скуленый, зъ голововь вытягненовь напередъ. На лици его малювалася невыразима бôль, — хлипанье, котре хотѣвъ стри-

---

[1]) Танита, богиня мѣсяця и дѣвичои чистоты.

[2]) Найвысшiй урядъ въ Картагинѣ, котрый тогды занимавъ Гамилькаръ. Суфетôвъ усе выбирано по двохъ на рôкъ.

[3]) Головный управитель Гамилькарового дому.

[1]) Пахута = die riechende Essenz (Стрыйске).

[2]) Ергастуля, — забудованье, де працювали день и нôчь невôльники, — ôтповѣдне тому въ козацкихъ-невольницкихъ думахъ слово каторга.

мати, насилу му вырывалося. Видно було, що бажавъ займити свого пана и звати до нёго о ласку. Вконець осмѣлився дôткнути кôнцёмъ пальця Гамилькаровои шаты.

— Пане, — чижь гадаешь го...? Не мавъ силы скôнчити, а Гамилькаръ ставъ здивованый тымъ болёмъ. Ему нйколи й на гадку не прийшло якъ-де-будь прирôвнувати себе до такого нужденника. Бо й якажь то безмѣрна дѣлила ихъ ôтстоя! Чи можь було й погадати, абы межи ними було щось спôльного? Суфетови то выдалося образою его маестату, шарпненьемъ на его привилеи. Ôтповѣвъ лишь поглядомъ холоднѣйшимъ и твердшимъ ôтъ катôвского зелѣза. Невôльникъ зômлѣлый повалився на землю при ёго ногахъ, — а владѣтель гордо наступивъ на поваленого и пôшовъ дальше.

Три чорно одѣтй люде ждали въ великôй кômнатѣ. Коли ихъ суфетъ побачивъ, роздеръ въ розпуцѣ на собѣ одежу и кинувся на помôстъ жалôбно стогнучи та выкрикуючи:

— Ахъ, мôй малый, нещасный Ганибаль, мôй сынъ, моя потѣха, надѣя, — мое житье! Убийте радше й мене, — озьмѣтъ съ собою! Горе менѣ, горе!

Шарпався по лици нôгтями, мыкавъ на собѣ волосье, вывъ, мовь плачки на похоронахъ...

— Ведѣтже го вже, — бо не моя сила бôльше вытерпѣти! Кваптеся, — або позбавте мя житья зъ нимъ уразъ!

Прислужники Молоха дивувалися, що у великого Гамилькара такъ немужне серце, — они майже учули милосердье надъ нимъ... Но наразъ дався чути ôдголосъ босыхъ стôпъ, сполученый зъ ôддыхомъ урываным, подôбнымъ до ôддыху утѣкаючои дичины, — и на сходахъ третои галеріи межи стовпчиками изъ ѣлоновои кости показався чоловѣкъ синій, страшенный, зъ вытягнутыми руками, що лементувавъ:

— Моя дитина!

Гамилькаръ однымъ скокомъ кинувся на невôльника и затыкаючи му ротъ своёвь рукою, кричавъ ще голоснѣйше:

— Ахъ, се бѣдный старець, що выховавъ мого сына и зве го своёвь дитиновь! Ôнъ зъ ума зôйде пôсля такого нещастья! Досыть тои муки, досыть!...

Выпровадивъ трохъ жерцѣвъ и ихъ жертву. Скоро выйшли, сильнымъ копненьемъ ноги замôкъ дверй кômнаты, потôмъ якійсь часъ пильно надслухувавъ, лякаючися, щобы зновь не вернули. Ôттакъ подумавъ, що треба бы збутися невôльника, а то для бôльшои певности, що тайна невыкрыесь. Прото велѣвъ служници занести му пôддостатком всѣлякихъ присмакôзъ изъ своеи кухнй: чвертôвку кôзла, фасолй и смаженыхъ гранатôвъ.

Невôльникъ, що вже ôддавна не ѣвъ нйчого подôбного, кинувся до тыхъ присмакôвъ, а грубй слёзы скотилися зъ его очей на полумиски.

Гамилькаръ вернувши до доньчинои кômнаты розвязавъ шнуры, котрыми було звязавъ Ганибаля. Розгнѣваный хлопакъ укусивъ го въ руку ажь до крови и ôттрутивъ всѣхъ, що го хтѣли ласкати. Салямбо хотячи го утихомирити, пуджала го Ляміею, жѣнкою людоѣда зъ Кирены.

— А дежь она? — запытавъ.

Розказувала му про страшныхъ розбôйникôвъ, щодѣ прийдутъ го взяти до казнй. Хлопчина ôтповѣдавъ на тото:

— Най прийдутъ, — то ихъ обезвѣчу!

Гамилькаръ вкôнци розповѣвъ му цѣлу страшну истинну. Но ôнъ унѣсся противъ ôтця, — чому-дѣ не здужавъ упокорити народа, будучи паномъ Картагины?

Вкôнци высиленый шамотаньемъ и гнѣвомъ заснувъ твердымъ сномъ.

Крôзь сонъ говоривъ, кидаючися по пурпуровыхъ подушкахъ, а его мала ручка була вытягнена, мовь до выдаванья розказôвъ. Коли надôйшла нôчь, Гамилькаръ взявъ го на руки и безъ похôднй зôйшовъ долѣ сходами галеріи. Переходячи поузъ торговый дôмъ узявъ съ собою посудину зъ виннымы ягодами и склянку чистои воды. Хлопчина збудився передъ статуою Алетеса, въ пивницн, що служила складомъ дорогоцѣнностей и клейнотôвъ и осмѣхнувся въ обôймахъ ôтця при блеску нагромадженыхъ кругомъ скарбôвъ. Теперь Гамилькаръ бувъ уже певенъ, що нйхто не выдре му сына, бо мѣсце те було дуже утаене и мало комунікацію зъ морскимъ узберѣжьемъ запомôчью ходника, вѣдомого лишь самому суфетови. Томуто, оглянувшися кругомъ ôдôтхнувъ свобôдно и зложивъ дитя на крѣслѣ побôчь золотыхъ щитôвъ.

Ту вже нйхто не мôгъ побачити Ганибаля. Не було чого бôльше боятися, тожь суфетъ чувся супокôйнымъ. Теперь, мовь мати, що йно-що ôднайшла свого единака, кинувся до сына, притисъ го до грудей, смѣявся и плакавъ сучасно, называвъ го пещеными именами, окрывавъ поцѣлуями, — а хлопя, перелякане товь незвычайновь сердечностью, лишень мовчало. Вкôнци Гамилькаръ лишивъ го и вернувъ, мацаючи муръ побôчь себе. Увôйшовъ до великои салй, освѣченои блѣдымъ свѣтломъ мѣсяця, що продиралося крôзь шпару. На серединѣ спавъ сторожъ-невôльникъ, прикованый въ поясѣ ланцомъ до муру. Бувъ то звычай, недавно перенятый въ Картагинѣ ôдъ Римлянъ. Борода и нôгтй того нещасливого поôдростали до почварнои довготы. Тажь десять лѣтъ уже минуло, якъ послѣдній разъ бачивъ сонѣчне свѣтло! Спавъ ôнъ, розтягненый, на голôмъ, камѣннôмъ помостѣ. Суфетъ поглянувъ на нёго, — и першій разъ почувъ жаль... Кôнцёмъ свого котурна пôдсунувъ му коверець пôдъ голову.

Ôттакъ пôднѣсъ очи и поглянувъ на Таниту, що въ повни яснѣла середъ неба. Почувся сильнѣйшимъ ôтъ самыхъ богôвъ, а въ серци его зашевелилася для нихъ — погорда.

Перевѣвъ *„A paulo“*.

дѣйствительнôсть, — але его поразили такіи слова въ устахъ — жида!

— Най васъ не дивуе моя щира мова о моихъ соплеменникахъ. Менѣ не ходитъ о тое, щобы таити ихъ злыи стороны, но щобы ихъ по возможности направити! Сами видите, що се въ истѣ такъ естъ, що они замѣсть вдячности тутешнимъ жителямъ за тое, що колись, въ часахъ лютого гоненія, ихъ ту гостинно принято, нищатъ и пôдкопуютъ ихъ добробытъ, приводятъ ихъ до крайнои згубы! Лихва, піянство, туманенье, то суть тіи фуріи, которыи они напустили на народъ, которыи его обезсиляютъ. А кромѣ того съ якоюжь они погордою смотрятъ на гоима!

— И якъ же вы думаете всему тому зарадити? Чи возможна рѣчь еще направити тое страшне зло?

— Для щирои охоты и сильнои волѝ ничо нема невозможного, — сказалъ пôднесенымъ голосомъ Изаакъ. Ходѣтъ, — я вамъ скажу, якіи мои думки що до тыхъ пунктôвъ и якіи были до сего часу мои дѣла на тôмъ поли, — якіи результаты я осягнулъ, и якіи маю пляны на будучнôсть,

И Изаакъ зачалъ розвивати Петрѣеви свои мысли, — бôльше меньше такіи самыи, якіи днесь суть въ устахъ всѣхъ, а до котрыхъ осуществленія стремитъ тôлько не много щирыхъ сердецъ съ пожертвованьемъ, съ ясными понятіями и горячимъ патріотизмомъ.

Тымъ часомъ наши путники опустили гостинецъ и войшли на узеньку, но досыть добре убиту гôрску стежку, котрою дорога была далеко близша, хоть небезпечнѣйша. Стежка та вела черезъ высокіи верхи и густыи смерековыи боры, въ котрыхъ немало было дикои звѣрины. Въ зимѣ никто нею не ходилъ задля волкôвъ и заметей снѣжныхъ, — и въ лѣтѣ рѣдко пускались нею самъ на самъ подорожныи; за то въ двохъ, въ трехъ, при добрôмъ оружью можь было туда безпечно ити, — а дорога была далеко пріятнѣйша, околицѝ далеко рôзнообразнѣйшіи, нежели гостинцемъ. Петрѣй дуже добре зналъ тую стежку и тіи лѣсы, а жидъ анѝ хвилѝ не отягался нею ити. — Оба небавомъ вôйшли пôдъ густый, темно зеленый склепъ отвѣчного бору. Не мало тамъ было такихъ мѣсць, на котрыхъ еще и людска нога не постала, где сокира николи не доткнулася свободныхъ дѣтей прустынѝ, столѣтныхъ смерекъ и ялиць. Одною тôлько старостію, вихромъ, перуномъ, або червами поваленыи на землю залягали они еѣ своими великанскими пнями, поволи, десятки лѣтъ гніючи и въ конци розсыпаючись на мѣлке порохно.

Уже зачинало вечерѣти; — наши путники рѣшилися прискорити кроку до найблизшого села, — до котрого однакожь было еще около трехъ миль доброи, лѣсовои дороги. Они розмовою скорочували собѣ часъ подорожи и не спостерегли навѣть, якъ докола нихъ поволи темнѣло, якъ предметы принимали що разъ то бôльше неозначеный, видъ зливаючися съ другими въ невыразну стѣну.

Наразъ тужь передъ ними щось зашелестѣло, — мабуть звѣрь якійсь пôдкинулся выполошеный изъ свого леговища. Петрѣй быстро поглянулъ за утѣкаючимъ предметомъ, — но той якось не подобалъ на звѣрину. Петрѣй видѣлъ, що то щось бѣле и бѣжитъ просто, на двохъ ногахъ. Наразъ утѣкаюче животно, видко запуталося ногами въ гущавину и съ розмахомъ гримнуло собою объ землю, — при чѣмъ выдало страшный, людскій зойкъ болю.

— Кто ты? Стôй! гукнулъ Изаакъ, котрый не бачилъ сумнои катастрофы утѣкаючого. Стôй, бо стрѣляю!

— Та я уже не тôлько стою, але и лежу! простогнало дивне существо плачливымъ, хлопячимъ голосомъ. Будьте ласкавы, панове, — даруйте ми житье, — я вамъ ничого не виненъ, — змилуйтеся, — не погубляйте мене!

— Що такого! говорилъ самъ до себе Петрѣй, — чи мя слухъ обманюе, — чи се и въ истѣ старои Добощучки Иванко?

И Петрѣй приступилъ до хлопця, котрый всегда еще лежалъ на земли и жалôбно стогналъ просячи о житье.

— Але молчи, дурню, — кому ту твого комарового житя потреба! крикнулъ смѣючися Петрѣй. Иванку, чи се ты?

— Та се мабуть вы, нанашку Кирило? О, слава тобѣ Господи, що вы ту надôйшли, — я уже гадалъ, що ту згину въ тôй проклятôй пустини!

— Та що ты ту робишь? пыталъ Петрѣй пôднимаючи его и оглядаючи, чи где не скалѣчился.

— Нѣ, нашашуню, — я нигде не скалѣчился, лишь ударился троха въ голову и потолкъ си колѣно. Але то ничого, коли вы уже ту, — я не боюся!

Иванко поцѣловалъ Петрѣя въ руку и держачися его, якъ бы для бôльшого безпеченьства за полу, продолжалъ:

— Я вчера рано выгналъ худобу въ лѣсъ и пасу. Ажь приходятъ до мене Сенько и Ленько Добощуковы сыны и кажутъ: — Иванку, ходи съ нами! А я кажу: — А худоба? — кто буде худобу завертати? — А они кажутъ: — Не бôйся, дурню, чортъ худобу не забере! Ходи, — татуньо казали, щобысь ишолъ съ нами! — А я зновь до нихъ: — Та по що я маю ити съ вами, — и куда я маю ити съ вами? — Але они мене одинъ за одну руку а другій за другу, тай кажутъ: — Ходи дурню и не пытайся, коли ти кажемъ! — Я пôйшолъ. Мы пшли лѣсами, дебрами, чагарами такими, що крый Мати Божа, — они передомъ, — а я за ними. Я си гетъ ноги пообщибалъ, — плачу, — кричу, щобы зажадали на мене, — але они все кричатъ: Борше, борше, ты жабо мала, мы не маемъ коли! (Прод. слѣд.)

РОЖА.

Вѣнцемъ серебрной росы облита
Весь свѣтъ плѣняе собою,
Не ма надъ нею красшого цвѣта —
Рожа княгиня весною.

Образомъ рожи и ты дѣвице,
Въ веснѣ живешь бо, въ надѣи,
Румяны уста твои и лиця,
Якъ зоря око яснѣе.

На чолѣ хмарки и не видати
Ты така мила, красива!
Ты и холодныхъ можешь плѣняти,
Бо весна въ тобѣ отбилась.

Вѣчною небо тобѣ весною,
Всѣ сны о счастью ворожатъ,
О вѣрь дѣвице, що ты собою
Весь свѣтъ плѣняешь якъ рожа.

О. А. Марковъ.

ЧОРНОГОРА.

До самыхъ бôльшихъ сподвижникôвъ справы герцеговинскои, которая въ новѣйшихъ временахъ занимае цѣлу просвѣщенну Европу вообще а насъ въ особенности, належитъ безсомнѣнно Чорногора, край зъ земель славянскихъ найблисшій, где то найбôльше кипитъ вражда и борьба противъ насиліямъ Турецкимъ, которыи превосходятъ всякіи понятія. Насъ Русинôвъ сочувствующихъ якъ найгорячійше несчастнымъ повстанцямъ Герцеговины, будутъ занимати, подробности о тôмъ невеликôмъ краю Чорногорѣ, который помагае своимъ сосѣдамъ найбôльше до выборенья ся изъ власти бисурманской.

Надѣемся, що Пчт. Читатели наши прочитаютъ съ пріятностію тую статью, якъ и подôбныи того рода, которыи надѣемся въ блискихъ н-рахъ замѣстити.

Чорногора тягнеся коло Адріатика, высокимъ долгимъ валомъ противъ Италіи; вертепы и глубины, якіи тамъ часто подыбати можна, становлятъ асиль для всего, що тôлько повстае противъ высокои Порты.

Въ Чорногорѣ жіе народъ, который не зноситъ ніякого насилія; долгая стрѣльба и ятаганъ суть звычайныи товариши Чорногорця. Въ Чорногорѣ нема мѣстъ, тôлько села; тамъ мешкаютъ не чужіи люди а „братство,“ которого члены уважаются свояками. Въ ихъ камѣнныхъ домахъ, збудованыхъ по найбôльшой части на высокихъ скалахъ, сутъ стрѣльницѣ; всѣ жіютъ они, якъ мы сказали, мирно, сгодливо, якъ братя, но если повстане яка звада межи селами, враждуютъ противъ себе доти, доки совсемъ одно зъ нихъ не знищится.

Въ горахъ найдешь богатыи череды, а именно овецъ и кôзъ; вино зле, но за то лучшій мѣдъ. Властивыхъ дорôгъ не знае чорногорецъ; лазитъ то въ гору то въ долину и не потребуе ніякихъ великихъ комуникацій. Цѣлый край подѣленый на чотыры повѣты званыи тамъ „нагіясъ.“ Христіанство не дуже розвинулося у нихъ; цѣла ихъ религійнôсть состоитъ въ постѣ и въ знамени крестнôмъ. Кажда родина мае свою церковь и свои монастыри.

Цѣле житье Чорногорця патріархальне; Святôсть родины въ рѣдкой тутъ чистотѣ; кажда родина мае свою голову, котрому пôдчиненныи всѣ. Месть кровава задержалась въ Чорногорѣ ажь по нынѣшный день; старе право наказовало даже: кто ударитъ ногою другого безъ причины, того може оскорбленый на смѣло убити; послѣдній не мае боятися ничого подôбно, еслибъ ôнъ забилъ злодѣя, схвативши того на дѣлѣ. Но если оскорбленый повздержитъ свôй гнѣвъ, то оскорбившій долженъ ему заплатити 50 дукатôвъ, яко вынадгороду и трибуналови таку суму кары. Чорногорецъ есть навскрôзь военного духа; въ ремеслѣ военнôмъ управляесь ôнъ цѣле житье; до того пôдсычае его ненависть противъ Туркôвъ, про то не можь ему здѣлати бôльшои ганьбы, якъ ему сказати: „Твои предки померли въ постели.“ Що страсть до рабованья и до грабежи выробилася въ той самой мѣрѣ у Чорногорцѣвъ, есть совсемъ природно и новѣйшіи ихъ борьбы съ Турками доказуютъ, съ якимъ бѣшенствомъ справляются они съ своими непріятелями.

Подобно, якъ сыны Чорногоры, суть такожь женщины мужественныи и вытревалыи; они поступаютъ въ всѣхъ походахъ за своими товаришами житья.

К. Робертъ, который пильно студіёвалъ Монтенегро говоритъ о надзвычайной силѣ тѣла женщинъ. Для того то и мужчины занятыи воинскими должностями оставляютъ имъ веденье всѣхъ домашнихъ роботъ. Въ Черногорѣ можь видѣти дуже часто, якъ женщины съ великимъ тягаромъ на плечахъ ходятъ по надъ береги пропасти, въ рукахъ своихъ держатъ веретена и балакаютъ межи собою такъ, якъ бы и не чули тягару на плечахъ. Если иде гляваръ (голова родины) или яка будь особа зъ уряду хотя бы и не зъ ихъ роду, то кланяются ему ниско и цѣлуютъ въ руку. Однако мимо того пониженья не есть дочь Чорногоры забавкою мужа, що до норовственной стороны, якъ дуже часто то дѣеся въ просвѣщенныхъ краяхъ. Дочь Чорногоры завѣряесь безъ боязни даже незнакомому. Хорошій полъ не знае тамъ ничо о любвѣ безъ женитьбы, или безъ умертвленья обманщика.

Народныи пѣсни доказуютъ, що войны чорногорскіи почитали давнѣйше собѣ за честь, если удалось имъ перевести женщину на христіанскую вѣру и женитись съ нею.

По женщинѣ есть подорожный найсвятѣйшою особою. Цѣлый край есть дуже гостинный. Если пе-

реѣзджаючи коло подвôря селянина попросишь о шклянку воды, то принесе ти господарь скоро, и то даже мѣсто воды вино, если мае. Вправдѣ у порога стережутъ хаты великіи и страшныи псы, однако, если вступишь въ середину хаты, то каждый стараеся приподобатися тобѣ, сдѣлати якую услугу; если господарь мае подушки, то сейчасъ постелитъ тобѣ на лавцѣ до сѣданья, а самъ усѣвши на камени передъ тобою, подае ти самъ каву, вареныи яйця, уджене мясо, и вино сельское, все на деревянной тарѣлцѣ, котора служитъ за стôлъ. Если ôнъ подае тобѣ по первôмъ тоастѣ руку, то тое означае, що ôнъ присягае, обороняти тебе ажь до послѣднои годины твого житья, хотябы и противъ цѣлои арміи. При отходѣ не жадае ôнъ ніякои заплаты, якъ тôлько выстрѣлу зъ твого оружія, которе отверто свѣдчитъ, що ты гостиною его вдоволенъ. *Вол. Орликъ.*

ПЕРЛЫ.

(Изъятіе изъ подорожи кругъ земли австр. корабля „Новара“).

Островъ Цейлонъ дае всѣ майже плоды индійскіи а при тôмъ мае богатыи поклады перловыхъ черепахъ (мушель), которыи не всюда находятся. Англійское правительство не дозволяе никому ловити перлы, а хоронитъ тое право для себе. Ненасытная захланнôсть губернаторôвъ мало що до послѣднёго невынищила ложищъ перловыхъ и ажь ученыи натуралисты забезпечили ихъ отъ заглады, взявши ихъ зъ припорученія правительства пôдъ свою опѣку.

Точно тогда, коли „Новара“ находилась на островѣ Цейлонъ, настигла была пора ловлѝ. Що року на початку февраля начинаеся ловля и тревае три недѣлѝ. Есть то якъ бы якое народное торжество, на которое зъѣзджаются съ всѣхъ сторонъ острова всѣ найдостойнѣйшіи жителѝ, а и самъ губернаторъ съ высшими урядниками.

Найбогатшіи ложища находятся на западнôмъ побережьи, званôмъ Кончада, где простираются лихіи мѣсточка Аripo и Мазазъ. Побережье тое скварне, черезъ бôльшую часть року заселенное лишь роями наскучливыхъ москитôвъ [1]), затроене нездоровыми міязмами, оживляеся до непôзнанья пôдчасъ ловлѝ. Тогды, якъ бы на якіи чары, выростае непрезримое множество хатъ бамбусовыхъ, покрытыхъ пальмовымъ листьемъ, незмѣрное число крамôвъ съ всякого рода товарами; пристань наполняесь кораблями розличнои величины, а сто тысячь людей готовится, щобъ остати тутъ на двадцять день. Но нето тьма матрозôвъ и нуркôвъ снуеся тутъ всюда; найдешь тутъ и куглярôвъ и линоскокôвъ, а даже вправныи въ своимъ ремеслѣ злодѣи прибываютъ сюда, надѣючись добре обладоватися. Прибывае также дуже много Индусôвъ, и обачишь найдивнѣйшіи строѣ индійскіи, отъ богатого набоба [2]) начавши, ажь до презрѣваемого всѣми паріаса [3]); духовенство всякихъ вѣроисповѣданій збираесь тутъ: брамины, бонзы, дервиши, календеры, факиры [4]), проходжаются свободно по при христіанскихъ священникахъ и пасторахъ.

Понеже спускатися нуркомъ въ море есть дуже утяжливо, то отъ давна старались, чи бы не можна заступити тое звонами нурковыми; но переконались що таки ніякая машина не гôдна заступити тое, що зможе вправный нурокъ, который звычайно, яко нагороду, бере четвертую часть зловленыхъ черепахъ перловыхъ.

Кôлькасотъ кораблѣвъ выплывае на море, и стае одинъ недалеко отъ другого. На каждôмъ находится по 10 нуркôвъ и по тôлько помôчникôвъ. Закимъ нурки начнутъ спускатися въ воду, выступае заклинатель морскихъ чудовищъ, розмахуе руками выкрывляючися, и отмовлюе розличныи слова чародѣйныи, которыи маютъ отстрашити людоѣдôвъ и забезпечити нуркôвъ отъ похищенья. Люди тіи такіи забобонныи, що нето погане, но и христіане индійскіи за ніякую цѣну не далибы наклонитися спуститись въ воду, доки ажь дурисвѣтъ такій не отмовитъ своихъ чарôвъ. Правительство муситъ ихъ оплачовати; звычайно берутъ они по 10 черепахъ перловыхъ отъ каждого чолна.

Впрочемъ ничого такъ опасного не грозитъ нуркамъ отъ людоѣдôвъ; роздаючійся зъ берега гаморь, крыкъ, тысячи погружаючихся людей въ море, отстрашуе тіи хищныи рыбы, а даже, якъ говорятъ индійци, темная краска ихъ скôры отстрашае тіи чудовища, про тое гдеякіи нурки чернятъ собѣ таки тѣло, щобы еще бôльше отпудити людоѣдôвъ.

Нурокъ бере торбу съ сѣти, привязуе до ноги камень якихъ 25 фунтôвъ ваги и спускаесь на дно. Тамъ отвязуе камень, который сейчасъ вытягаютъ въ гору, кидаеся на землю и ползае тримаючися крѣпко дна. Такимъ способомъ, въ продолженію одной минуты пôдъ водою, сбирае всѣ черепахи перловыи якіи нагляне, а якъ дасть знакъ потрясаючи линвою, сейчасъ вытягаютъ его назадъ. Если нурокъ запустится глубше, якъ на 40 стопъ пôдъ воду, пускаеся ему кровь носомъ и ушами. Звычайно выдержуютъ пôдъ водою 50 до 60 секундъ, но есть и

[1]) **Москиты**, родъ дуже наскучливыхъ моравлей.

[2]) **Набобами** зовутся въ Индіи владѣтели, маючіи невеликіи посѣлости, которыи суть васалями Англіи.

[3]) **Паріясъ**, то найнизшая и всѣми презриваемая каста въ Индіи.

[4]) **Брамины**, священники индійскіи, вѣроисповѣданія браманского, **бонзы**, вѣроисповѣданія Будды, **дервиши**, **факири**, **календеры** суть то розличныи роды монахôвъ, скитаючихся звычайно.

*

такіи, що 80, або 84 секундъ змогутъ выдержати въ пропастяхъ морскихъ. Въ продолженію 6 годинъ ловли, 10 нурковъ спускаются подъ воду по черзѣ, и вытягаютъ по 1000 до 4000 черепахъ, каждый. Якъ угадае на мѣстце где черепахъ есть досыть, то отразу и 150 може ихъ взяти, а густо часто случаесь, що не вынесе ихъ бôльше якъ 15. По укôнченôй дневнôй ловли, корабли прибиваютъ до береги; черепахи дѣлятъ на четыри части, одну берутъ нурки а прочіи укладаютъ въ купки по 1000 штукъ и продаютъ публичною лицитаціею кто бôльше заплатитъ.

Есть то, якъ бы яка лотерія, слѣпый случай; часомъ случаесь, що одна черепаха мае въ собѣ 30—40 або и бôльше перелъ, зъ котрыхъ гдеякіи таки на мѣстци можна продати по кôлька дукатôвъ за штуку, но случаесь также, що въ кôлькохъ черепахахъ ненайдешь и одной перлы, хотьбы дрôбнои. Дрôбненькіи якъ пѣсокъ перлы складаютъ окремо, а промишленники палятъ ихъ на вапно, совсѣмъ подобное до звычайного. А що нигде ненайдешь и кутка, где бы не было дуракôвъ, що то любятъ збытокъ та гроши за окно выкидати, то и ту есть богатыи маляйчики, которыи купуютъ то вапно по высокихъ цѣнахъ и жуютъ его потомъ съ бетелемъ и арекою, перехваляючись съ тымъ передъ другими. Бетель есть то родъ перцю змѣшаный съ орѣхомъ ареки и посыпаный негашенымъ вапномъ. Перлы, которыи не маютъ полыску, даютъ жители Цейлона курамъ ѣсти; въ волѣ ихъ набираютъ они прекрасного полыску Куры такіи потомъ рѣжутъ, а добутыи зъ нихъ перлы идутъ на продажъ.

Мушлѝ выдающіи перлы, належатъ до черепахъ званыхъ по лат. **Meleagrina margaritifera;** суть они подолговатыи и маютъ около 10 цалей въ округъ. Выловлюютъ ихъ що року по кôлька-найцять миліонôвъ; за нашого побыту (въ Февралѣ 1858) ловля перелъ принесла 25.000 фунтôвъ штерл. Слѣдующого года, якъ мы довѣдалися, выпала ловля еще лучше. Въ 18-ти дняхъ, 1352 кораблей, занятыхъ ловлею перелъ, выловили 9,534.900 черепахъ, которыи продано за 48.216 фунтôвъ штерл.

Давнѣйше думали, що перлы повстаютъ тôлько въ слѣдствіе хоробы черепахъ, но новѣйшіи изслѣдованья показали инакше. Ученый натуралистъ Ѳедоръ Геслингъ издалъ окремое сочиненіе, въ которôмъ доказуе, що перлы творятся въ опонѣ черепахи, которая отвираеся на верхъ; черезъ той отвôръ втискаются чужіи субстанціи якъ н. пр. зернятка пѣску, останки рослинъ, а тіи уражуютъ нѣжное тѣло черепахи а даже калѣчатъ. Тогды выдѣлюесь зъ черепахи плынъ и обливаючи н. пр. зернятко пѣску або що другое, тужѣе на нѣмъ верствами; такимъ способомъ творится перла.

Потому, що перлы рѣдко где находятся и суть дуже цѣнныи, роздумовали люди, чи не можна бы ихъ штучно утворити. Зачали впускати зернятка пѣску до черепахи, межи скарлупкою а опоною, и тіи съ часомъ покрывалися перловою массою. Китайци берутся до того дуже зручно; недалеко города Гу-тсу суть особныи заведенія до вытворюванья штучныхъ перелъ. Сыны „царства небесного,“ незадоволяются однакъ округлыми перлами, но вырѣзуютъ чрезвычайно дрôбненькіи фигурки, представляющіи по бôльшой части Будду, китайского пророка, въ поставѣ сидящой. Перловый плынъ облывае тіи фигурки, стинаесь на нихъ и творитъ отвѣтныи подробности. Ст. Л. Смѣлковъ.

Теперѣшныи приборы и снаряды и ихъ исторія.

I.

Смотрячи уважно на розличныи потребы, звычаи и обычаи, якихъ теперь образованый чоловѣкъ держится въ своемъ щоденнôмъ житью н. пр. коли сѣдае до стола, або коли спати кладется, неразъ настойчиво насуваеся неодному цѣкавая гадка, зъ ôткы тое или другое у насъ взялося, отъ якъ давна оно у насъ завелось и т. д.

На неодно не знали бы отвѣтити и сами найученѣйшіи изслѣдователи старины, такъ отъ давна не одно уживаеся. О чѣмъ же далося выслѣдити, съ тымъ мы и съ шчт. читателями дѣлимся.

Нôжь и ложка, хотя совсемъ простои ординарнои формы находится въ дома у найдавнѣйшихъ народôвъ. **Вилки** суть уже новѣйшого изъобрѣтенія. Въ старинѣ даже на дворахъ царскихъ никто невидѣлъ въ тôмъ ничого неприличного брати стравы пятирникомъ, пальцями, якъ то еще и теперь роблятъ простыи люди. Перші вилки были цѣлѣ желѣзныи и мали тôлько два пальци. Находимъ ихъ доперва въ 12 вѣку а еще и въ 16 вѣку рѣдко где можна было ихъ подыбати въ Франціи и въ Нѣмеччинѣ, въ первой половинѣ 17 в. въ Англіи, а и теперь еще въ Испаніи и Россіи. Въ Хинахъ ѣдятъ двома прутиками тѣ стравы, що у насъ вилками. Уважали ихъ яко люксусъ.

Глиняныи **горщки** знали уже Израилтяне за Мойсея (3 Мойс. 6, 28.) Въ Греціи и Италіи розпространились ажь пôзднѣйше. Коли еще горщкôвъ незнали, великая была непорадность тогдашныхъ господинь. И такъ есть народы, що не знали иначе свиню зварити, якъ тôлько такъ: въ выпатрошеный живôтъ заколеной свинѣ кидали розпаленыи камени, где лежали доки ажь неостигли, почѣмъ сновь новыхъ накидали, ажь доки мясо не припеклося. Иныи зновь народы наливали воды въ воглубленія скалъ и доти кидали въ воду горячое камѣнье або углье, доки мясо або ярина вложеныи въ воду не приварилися. Недостаточность, тай невыгода при такôмъ варенью вразъ

съ случаемъ розумѣется споводовали, що помалу выгоднѣйшіи, отвѣтнѣйшіи приряды найшлись до варенья. И такъ нѣкоторыи народы южноі Азіи варили ризь въ лупинѣ съ кокосового орѣха. Приставлювали еѣ до огню и ризь уварювался закимъ огонь совсѣмъ спалилъ лупину. Уже не малое улучшенье завелось, коли зачали дерево выжолоблювати и въ нѣмъ варити стравы. Хотя зъ початку дерево горѣло въ огни, но понеже огонь розкладали звычайно на земли, або густо-часто и въ выкопаной ямцѣ, то дерево повлекалося верствою глины, або глинки, и черезъ тое мало уже яку-таку предохорону отъ огню. И може быти, що то дало поводъ до изобрѣтенія штуки горнчарскоі, которая такъ въ клясичной старинѣ зацвила, що тогдашныи выробы еще теперь служатъ намъ яко взоры. Именно въ Коринтѣ цвило горнчарство, а зъ ôтти въ 6 вѣку розпросторонилось до Етруріи.

Першіи **тарели** на которыхъ ѣли люди, были то кружки зъ спôднои скôрки зъ хлѣба. Ажь пôздиѣйше прійшли на тое, щобъ робити тарели зъ дерева, потомъ зъ глинки, а въ конци и зъ металю. Зъ металевыхъ, циновыи найдолше были въ употребленію.

Обрусôвъ и серветъ, безъ которыхъ сегодня образованый человѣкъ не обôйдеся, зачали употребляти за временъ Карля V. (1519—1558). Передъ тымъ пôдкладали пôдъ полумиски и тарели звѣрячіи скôры. Обрусы давнѣйше мали высокое значенье и важнôсть. Такъ н. пр. если рыцарь якій потерпѣлъ на чести, или тяжѣло на нѣмъ якое провиненье, то мôгъ герольдъ розтяти передъ нимъ обрусъ, а тарели и хлѣбъ подавали такому переверненыи.

Пити „на здоровье“, въ чіюсь честь и тоасты есть обычай дуже давный, перенятый отъ Римлянъ. Первыи Христіяне выхиляли бокалъ, щобы отдати честь мученникамъ и другимъ угодникамъ. Пôсля другихъ, тоастъ былъ первобытно чисто матеріяльного свойства, а чувство немало тутъ ніякого мѣстця. Былъ то, якъ кажутъ, ничо бôльше, якъ кусень перекуски, тѣсточка, якіи плываютъ звычайно въ каждôй вазѣ пончу. Понеже англичане при всякихъ приговоркахъ любятъ звычайно мачати въ вино кусники хлѣба або тѣсточокъ и ажь потому ихъ закусовати, то здаеся, що съ часомъ имя тоастъ (то значитъ присмаженый кусникъ хлѣба) сталось общеупотребляемою назвою на застольную бесѣду.

О поньчохахъ не чувалъ еще никто передъ 200 лѣтами, а еще 100 лѣтъ тому назадъ рѣдко ихъ где-кто носилъ. Ихъ завелъ нѣкій Вильямъ Лее въ Кембриджъ, который также вынайшолъ прирядъ до робленья поньчохъ. Изобрѣтеніе то розпросторилось въ 1614 г. ажь до Венеціи, а зъ ôтти по всей Европѣ.

Но ктобы сказалъ що **сорочка**, безъ которои никто теперь не обôйдеся, богачъ чи бѣдный, доперва въ повѣйшихъ часахъ вôйшла въ ужитокъ. Еще въ 15 вѣку сорочку уважали за великій люксусъ; жена Карля VII была единственна на цѣлу Францію женщина, що мала бôльше якъ двѣ лѣныхъ сорочокъ. Въ 16 случалось еще, що яка княгиня давала якому князю яко дарь одну сорочку, яко щось надзвычайное. Середное сословіе въ Нѣмеччинѣ, за временъ реформаціи спало звычайно безъ всякои одежи.

ВСТУПНАЯ РѢЧЬ

Дра КЛИМЕНТА ГАНКЕВИЧА

держаная дня 16. (28) Октября 1875 при розпочатію преподаваній литературы русской въ университетѣ черновецкôмъ.

(По стенографическимъ записямъ.)

Честныи слушателѣ! Стародавный академическій звычай вкладае на професора, вступающого першій разъ на катедру университетскую обовязокъ, абы сказалъ где-що о своей особѣ, о своихъ поглядахъ и становиску, яке заняти намѣряе. Покликаный на катедру русского языка въ сей ново основаной святыни Музъ, хочу и я сему требованію удовлетворити. Въ першôмъ взглядѣ мôй отвѣтъ легкій и поединчій: я не чужій человѣкъ, я не пришелецъ изъ далекихъ сторонъ, я кость изъ костей Вашихъ, я кровь изъ крови Вашей. Мое сердце, такъ якъ и Ваше, радостію наполняеся на видъ добрыхъ и красныхъ подвигôвъ народа русского, а смуткомъ переполняеся на видъ противныхъ объявôвъ въ житью нашôмъ народнôмъ.

Я не приходжу, щобы розпространяти чужу культуру, але абы нашу власну, питому, родинну пôдкрѣпляти, абы дати свидѣтельство старой, ясной, но отъ многихъ оспорываемой правдѣ, що Русины жіютъ и жити будутъ, що они уже передъ многими столѣтіями дѣлали, дѣлаютъ и дѣлати будутъ, для розвитія своихъ умственыхъ дарованій и пôднесенія народного житья. Я одинъ есмь тутъ, котрый изъ катедры могу промавляти до Васъ нашимъ, дорогимъ, русскимъ, рôднымъ словомъ. Я есмь въ тôмъ щасливôмъ положенію, що не маю обговорювати дѣла чужихъ мудрцѣвъ, але розкрывати тіи великіи духовныи скарбы, которыи прадѣды наши безпрестанно складали и теперь батьки и братья наши складаютъ на жертвенники славы народной.

Такъ якъ селянинъ, овѣяный свѣжимъ воздухомъ утреннымъ, съ радостію приступае до сѣянья на батькôвщинѣ, коли ему братья и знакомыи щастья желаютъ и красна погода благословеніе неба вѣщуе, такъ и я съ радостію приступаю до мого великого и тяжкого дѣла, бо Ваше тутъ присутствіе, всечестныи и высокопочтенныи слушателѣ, есть менѣ порукою прихильного изъ Вашой стороны успособленія для общой справы.

Для того я, кидаючи нынѣ тутъ межи своими перше зерно духове, поздоровляю васъ всѣхъ щиро-русскимъ словомъ: Щасть Боже! къ розпочатому общому дѣлу! Дай Боже, щобы оно упало на добрый грунтъ, абы прозябало и выдало стократный плодъ русского поколѣнья, свѣтлого розумомъ, чистого сердцемъ, сильного волею — щобы молодцѝ наши, найкраща надѣя наша, якъ соколы рознесли узбираныи тутъ сокровища духовыи по степахъ и горахъ буковинскихъ, въ палаты вельможь и хаты сельскіи, щобы нива наша родинна красно зацвила духовымъ житьемъ русскимъ!

Я сказалъ, що дѣло нынѣ розпочате есть обще. Такимъ оно есть воистинно, и то изъ двохъ взглядѡвъ. Насамперед для того, що проф. унив. и его слушателѝ суть нерозрывною цѣлостію; если цѣль академической науки мае ся точно исполнити, муситъ учащій и учащійся быти гармонѣйною едностію. Университетскій слушатель не повиненъ ся задовольняти мертвою репродукціею, ѡнъ повиненъ съ свѣдомостію оріентоватися въ преподаваныхъ предметахъ, ѡнъ повиненъ самъ изслѣдовати, а на дорозѣ самодѣльныхъ науковыхъ изслѣдованій сходятся професоръ и слушатель разомъ, на той дорозѣ, котра ихъ веде до найвысшой цѣли житья человѣческого, до изслѣдованія правды. Общимъ есть дѣло наше для того, бо розтягаеся не на одну мѣстцевость, не на одинъ округъ, але на цѣлый край, на цѣлый народъ. Стараймо ся всѣ соединеными силами, щиро и сердечно, абы тіи надѣи, якіи нашъ край и Русины въ тѡмъ университетѣ покладаютъ, не зѡстали заведеныи.

Межи всѣми занятіями человѣческими есть одинъ родъ працѣ, безъ которой всѣ прочіи зѡстаютъ тѡлько слабыми порывами неокресаной силы — безъ надѣи, дѡстатися до кульминаційного пункту свѣдомой досконалости. Есть то праця духовна, котрой всегда и всюда належится перше мѣстце. Великіи суть богатства природы, чудесное устроеніе тѣлъ небесныхъ, але краснѣйшіи суть и бѡльшіи богатства, зложеныи въ глубинахъ духа человѣческого. Наука выдобывае ихъ на верхъ въ формѣ умыслового свѣтла, которое поставлене на выжинахъ общого бытія, на выставѣ всемірной поступу человѣчества, привлекае каждого магичною силою; пѡдъ вліяніемъ того свѣтла прибирае цѣле человѣчество краснѣйшій видъ, а съ хаосу слѣпой конечности выдобываеся нановань̆е идеи. Съ яснымъ понятіемъ, съ благороднымъ чувствомъ, съ сильною волею иде такій народъ напередъ, абы исполнити и розширити все, що добре и красне, и собѣ матеріяльный добробытъ забезпечити. Если наука для каждого народа есть рѣчею важною, о скѡлько важнѣйшою и пожиточнѣйшою буде она для насъ, которыи позбавленыи есьмо многихъ матеріяльныхъ условій для розвитія житья народного. Въ науцѣ цѣла наша сила, цѣла наша будущнѡсть — она послѣдне але найсильнѣйше наше прибѣжище. Дѣлаймо, дондеже день есть! Черпаймо изъ того неизмѣримого жерела воду животну, которая, якъ въ русскихъ народныхъ сказкахъ оповѣдаеся, додае титанической силы; она покрѣпитъ умы и сердця наши, повстанутъ межи нами могущіи богатыры, которыи силою духа свого поставлятъ насъ на рѡвнѣ съ другими образоваными народами. Ново открытый университетъ дае до того добру способбность. Университетъ — то пристанище найвысшого умыслового образованья и науковыхъ изслѣдованій, стоящій якъ бы свѣтильникъ верху горы, обдареный свободою и великими средствами къ достиженію своей цѣли Исторія университетовъ есть отъ кѡлькохъ столѣтій исторіею умственного розвитія и поступу народѡвъ. Университетъ мае не тѡлько репрезентовати науку и подавати певну мѣру фаховыхъ вѣдомостей, але такожь стягати до винограду робѡтникѡвъ, которыи бы, жіючи житьемъ народа, тое житье пѡзнали и сильнѣйше пѡднесли — и въ тѡмъ лежитъ его етична задача. Наука есть для себе самой цѣлею; но тая правда не выключае навѣть по засадамъ трансцендентальной философіи другихъ головныхъ ей знаменъ, а именно що она повинна быти животною и житьедайною. Гармонѣйное образованье розуму, сердця и воли становитъ взглядне совершенство человѣка. Умъ, найвысша сила душевна, муситъ получитися съ любовію, принципомъ животворящой силы, абы слово сталося тѣломъ, мысль дѣйствительностію

Академики повинни не тѡлько умственно образоватися чистымъ идеальнымъ стремленіемъ, повинни набрати гарту души, абы все тое, що разъ яко правдивое и доброе узнали, въ практичнѡмъ житью безъ взгляду на личныи корысти вызнавали и отвѣтно дѣйствовали. Та высока задача исполнится, если изъ нашого университета будутъ выходити не трусливыи карьеровичѣ, але мужи, которыи съ оружіемъ глубокого знанія и сильного переконанья будутъ смѣло, всенародно и ревно дѣлати для морального и матеріяльного пѡднесенья бѣдного народа нашого.

Университетъ дае слушателямъ велику свободу — бо надѣеся, що они той дорогоцѣнности надъужівати не будутъ. Академики повинни изъ ней корыстати для всесторонного образованья и утвердженья моральныхъ засадъ — бо то суть головныи пѡдставы ихъ будущого дѣланія.

Для достиженія тыхъ высокихъ цѣлей, которыи передъ нами розкрываются, есть насамперед конечно потребною еднѡсть, мати щастливого и полезного успѣванія всѣхъ общихъ дѣлъ. Если межи нами споры повстаютъ, удаймося до безсторонного, справедливого, хотя строгого судіи. Громада великій человѣкъ, каже русская пословиця; яко Русины удаймося до найвысшого громадского суду — а тымъ есть

наука, соединяючая всѣхъ образованыхъ людей. Пôдъ ей вліяніемъ утихомиряются намѣтности, выясняются непорозумѣнія, упадае все, що есть поверховне, припадкове и субъективне, а зôстае тôлько одна объективна правда.

Такіи суть мои погляды, таке становиско я заняти постановилъ.

Наконецъ осмѣляюся выразити одно прошеніе, абысьте дорогіи Родимцѣ мене въ моимъ тяжкôмъ и важнôмъ предпринятію вспирати благоволили; не желаю того для себе, але для доброй справы, которой всѣ служити повинни.

ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ИЗЪОБРѢТЕНІЙ.

Діягометръ. Проф. Пальміери изъобрѣлъ новый апаратъ т. з. діягометръ, до выпробованья олѣю, оливы, и тканинъ. Апаратъ той выказовати буде доброту оливы, отличати буде оливу отъ олѣю, оказовати чи олива — хотя бы найлучшая — не есть съ олѣемъ смѣшана, буде отрôжняти роды олѣю, а наконецъ, буде показовати чи въ тканинахъ которыи продаютъ, яко правдивыи баволняныи, находится баволна, и кôлько ей тамъ есть. Неаполитанская изба для торговли и штукъ красныхъ выражаючи за тое изъобрѣтеніе полную признательность проф. Пальміери, оголосила точное описанье апарата вразъ съ инструкціею, якъ его належится употреблять.

Машина до писанья для своей практичности входитъ що разъ бôльше въ употребленіе. Есть ей ажъ два роды: машина Ганзена, есть дуже дорогая и прото меньше ей употребляютъ, и машина изобрѣтенія американца Lathacu Sholles. Послѣдня есть практичнѣйша и въ Соединеныхъ штатахъ есть отъ якогось часу въ уживанью. Зъ объема и поверховного вида, подобна есть она до машины до шитья. Писанье отбываеся черезъ притисканье (якъ на фортепьянѣ) клявишôвъ, съ котрыхъ каждый отбивае букву, або число. Письмо, а лучше сказати друкъ, есть выразное и точное. Коли машиною можна въ одной минутѣ написати 60 слôвъ, найлучшій писарь може въ тôмъ часѣ рукою тôлько 30 слôвъ написати. Отже машина та прискоряе два разы роботу. Современно можна отримати и значное число копій. Наука способу писанья тревае найдолше 14 дней. Такои машины уживаютъ теперь въ Америцѣ всѣ найбôльшіи товариства телеграфичныи, адвокаты и правительственныи власти. Общество Western Union Telegraph Company и Illinois Central Rail-roud Comp. которыи по всѣхъ бôльшихъ мѣстахъ маютъ свои фвліи и тысячи залагоджаютъ интересôвъ, отъ часу нового писанья машиною заощадили рочно 200.000 долярôвъ. Машина стоитъ найбôльше 125 доляр. однакъ машина найновѣйшои конструкціи нѣкого Дауля мае тôлько стояти 50 долляр. Можна еѣ легко переносити.

ЛИТЕРАТУРНЫИ ИЗВѢСТІЯ.

Новоо житье — новый ладъ, пôдъ такимъ заглавіемъ выйде незадолго брошюрка изданая грамотными жителями Лабшина, которыи уже минувшого года „Тальмудъ“ издали. Книжечка та составлена довольно оригинально стихомъ и прозою. Цѣна 10 кр

— Якъ зачуваемъ, намѣряе г. Желеховскій зробити новое прекрасное изданіе „Маруси“ съ иллюстраціями.

— Редакція „Ластôвки“ печатае въ ставропигійской типографіи книжочку для дѣтей пôдъ з. „Наша хата.“

— Въ другôй львовскôй типографіи печатаются „Повѣсти для дѣтей“ проф. Ем. Огоновского, но къ сожалѣнію правописью ц. к. рады школьной.

Лопата, юмористическая газета зачала выходити въ Черновцяхъ. Першій ей Н-ръ уложеный досыть удачно, а гдекуды дослѣдный таки правдивый юморъ. Мы совѣтовалибъ тôлько пчт. редакціи, щобы старалась не локализовати „Лопаты“ на Черновци или Буковину, но стремити къ тому, щобы газетка возбуджала интересъ всей австр. Руси, подобно, якъ старый „Страхопудъ“. Еслибъ всѣ Н-ра такъ были издаваемыи, якъ Нръ. 1. то смѣло моглибы мы припоручити „Лопату“ нашему кружку читательства. Предплата выноситъ на цѣлый годъ 4 зр

Извѣстный лингвистъ Малиновскій издавшій недавно славянскую граматику, изготовилъ — якъ изъ Познаня доносятъ — на дняхъ рукопись грамматики малорусского нарѣчія, которая кажется и поступитъ незадолго въ печатню.

Пôсля найновѣйшихъ извѣстій, знаменитый писатель Жюль Вернъ (Julles Verne) авторъ такихъ сензаційныхъ романовъ, якъ „Подорожь вокругъ земли,“ и прч. издаетъ вскорѣ сочиненіе Michel Strogonoff въ которôмъ буде описанье подорожи изъ Москвы до Иркутска.

— Въ Temps помѣщаеся романъ Сталя „Maroussia“ передѣланый, якъ сказано, изъ русской легенды de marko-wovzok (Марко Вовчокъ). Видко, французы много скорыстаютъ изъ русской литературы и жизни!

Домашній скотъ. Руководство для малыхъ земледѣльцевъ, якъ домашній скотъ кормити, множити, плекати, употребляти иôтъ недугôвъ захороняти, щобы зъ него по возможности безпечную корысть мати Написалъ Игнатій Галька. Львовъ. 1875. Пôдъ повысшимъ заглавіемъ розсылае теперь общ. Мих. Качковского уже IV-тую книжечку своимъ членамъ. Книжечка то дуже полезная для нашего народа, именно для зрѣлыхъ господарныхъ селянъ. Въ гдеякихъ мѣстцяхъ тôлько можнабы сказати, що за высоко писана, зважаючи що наши селяне еще ніякого приготовленья не маютъ до читанья научно-хозяйственныхъ хотя и популярныхъ сочиненій. Отъ подробнѣйшого розбора на теперь вздержуемся, надѣючись незадолго замѣстити обширнѣшій розборь изданыхъ до теперь книжочокъ общ. Качковского.

Якъ довѣдуемся, печатати буде Общество Мих. Качковского яко V. книжечку „Любовь отчины“ о. Ружицкого. Пôдъ такимъ заглавіемъ составилъ авторъ найновѣйшую исторію гал. Руси.

ВСЯЧИНА.

— **Злодѣйскій промыслъ.** Въ парижскôмъ театрѣ Variété выступае теперь актеръ Моррисъ. Выходитъ ôнъ на сцену въ чорнôй одежи и перемѣняе ей таки въ очахъ публики то въ костюмъ селянки, матроза, старця и проч. Актеръ той мае теперь въ Лондонѣ опасного соперника, хотя той дѣйствуе совсемъ въ иноѣ галузи штуки. Отъ якогось часу выставлены суть лондонскіи ювилеры и банкиры на особенного рода обманство. И такъ н. пр. входитъ до склепу якійсь старый, якъ здаесь по одежи, богатый панъ съ сивою

бородою, и жадае оглянути якій брилянтовый гарнитуръ; хоче, якъ каже, своей женѣ якій подарокъ зробити въ день ей уродинъ. Показуютъ ему розличныи дорогоцѣнности, ôнъ оглядае все уважно — и однымъ скокомъ удаляесь зъ склепу. Купци и купчики вылѣтаютъ на нимъ, — старикъ счезъ; тôлько передъ склепомъ оглядае якась дѣвчина выставленыи рѣчи, бôльше на улицѣ никого не видно. Або сновь до якой банкирскои конторы входитъ якій богато огалонованый локай и желае замѣняти якій значный банкнотъ, для свого пана. Но якъ тôлько вычислятъ гроши, хватае ôнъ въ мигъ и гроши и банкнотъ и утѣкае. Вылѣтаютъ всѣ зъ конторы, гонятъ за нимъ ажь до найблизшого рогу улици, но тамъ зникъ уже локай; на противъ иде лишь похитуючись добре пôдхмеленый матрозъ, но ôнъ каже, що ніякого локая не видалъ. Такіи крадежи случались отъ кôлькохъ мѣсяцей дуже часто, но полиція ніякъ не могла злодѣя выкрыти. Ажь разъ слѣдующое случилось: Одинъ купецъ прійшолъ скорше якъ звычайно до дому, но засталъ двери розбитыи. Скоренько вернулся тихцемъ на улицю, и прикликалъ кôлькохъ полицаевъ; двохъ зъ нихъ остало при входѣ до дому на стражи, а прочіи съ купцемъ ввôйшли въ середину, до комнаты, где найшли злодѣя совсемъ занятого перегляданьемъ бюрка. Полисмены кинулись на него, но ôнъ якось вывинулся имъ, збѣгъ сходами, но коли видѣлъ, що полисмены за нимъ бѣгутъ, утѣкъ въ якусь комнату въ тôмъ домѣ. Полисмены за нимъ; но въ комнатцѣ не было и слѣду якого злодѣя а тôлько на постели сидѣлъ старецъ уломный, хоровитый, и дрожачимъ голосомъ нарѣкалъ, чого ему перескаджаютъ. Понеже зъ комнатки тои не было другого выхода такъ полисмены не хотѣли уступити и брались до старця. Но старецъ, якъ тôлько кто доткнулся его, то крычалъ зъ болю и божился, що ніякъ таки зъ мѣстця рушитися не може. Но коли одинъ агентъ полицейскій пôдносилъ старця, впала ему въ око стяжка, которою старецъ былъ оперезаный; ôнъ потягнулъ за ню, ажь ту уломный старецъ — перемѣнился въ жвавого жолнѣра. Такимъ способомъ выявился злодѣй, а увидѣвши, що уже ніякъ не выкрутится, признался до всего. Есть то американецъ и зовеся Джемсъ Вестернъ.

Пустинникъ за нашихъ часôвъ. Англійчикъ Гамильтонъ, казалъ собѣ заложити въ Cobham въ графствѣ Surrey великій паркъ, и щобы романтичный повабъ его увеличити, захотѣлъ ôнъ для построенной пустини такожь мати и живого пустинника. Розказалъ протое черезъ публичныи газеты такого шукати. Условія, которыи ôнъ вымагалъ отъ такого пустинника были слѣдующіи: ôнъ долженъ былъ зъобовязатися вступити на 7 лѣтъ, по истеченью которыхъ малъ получити 700 гвинеевъ. Ôнъ не долженъ ничь съ собою принести кромѣ бôбліи, очокъ, телескопа, рогожи для постелѣ, бесаги вмѣсто подушки и клепсидры. Напоемъ его мала быти вода зъ потока що плылъ мимо его комôрки; харчь малъ ему щоденно приносити служащій, который не долженъ былъ ніякого слова до него мовити. Пустинникъ долженъ былъ убратися въ чернечу одежь, ногтей не обрѣзовати, не голитися и сандалы носити. Не долженъ былъ отдалятися зъ мѣстця для него призначенного. — Гамильтонъ найшолъ истинно такого чоловѣка, который дался приманити, но ôнъ не выдержалъ долше якъ — 3 недѣли.

Чортъ яко адвокатъ: Чи были Вы у кліента, щобъ ему мою ликвидацію предложити, запыталъ адвокатъ писаря.

„Такъ есть.“ отвѣтилъ тойже.

„И що жь ôнъ на тое сказалъ?“

„Казалъ, щобъ я собѣ до чорта съ тимъ пôйшолъ.“

„Такъ? и що Вы здѣлали потомъ.

„Но, та прійшолъ я до Васъ г. адвокатъ!“

— До одного священника прійшла стара баба и пыталась въ великôмъ смутку и съ тужнымъ лицемъ, чи она по смерти пôйде до неба? Священникъ ответилъ: „Не грызѣтся; Вы пôйдете певно до неба, понеже въ св. письмѣ стоитъ: въ пеклѣ буде плачь и скрежетъ зубôвъ, а Вы не маете анѣ однѣсенького зуба.

Новинки.

Баль устроиваемый Общ. „Акад. Кружокъ“ отбудеся непремѣнно дня 27 Янв. (8 Февр.) въ саляхъ „Народ. Дома“. Комитетъ устрояющій починилъ великіи приготовленья въ цѣли хорошого устроенія баля. Комитетъ надѣеся много гостей изъ провинціи.

Съ пріятностію довѣдуемся, що до основателей недавно завязавшогося Общества археологичного во Львовѣ, належитъ тоже и нашъ Высокоуважаемый трудолюбивый историкъ проф. Дръ. Изидоръ Шараневичъ. Тое Общество, якъ увѣдали мы зъ достовѣрного жерела, намѣряе звернути передъ всѣмъ увагу на археологичныи останки, которыи знаходятся по нашихъ церквахъ.

Кореспонденція редакціи: Г-жа Петр. Б. въ Уг.: предплатэ кончится Вамъ съ концемъ I. квартала 1876 г. Г-жа Е. К. въ Уг: Мы получили предплату за I. и II. кварталъ. Г. Ив. Я. въ Стар: Предплату и 1 зр. на общ. М. Качк. получили и секретарю доручили. О. Ал. К. въ Д.: Вы еще въ рестанціи у насъ за III. и IV. кв. 1875 Присланыи 1 зр. 80 кр. записали мы на 1876 г.

Въ редакціи „Друга“ сложили: Впр. о. деканъ Левъ Полевый на „А. Кружокъ“ 2 зр. на бурсу Нар. Дома 2 зр. на Герцеговинцевъ 2 р. 40 о. Лукашевичъ на „А. Кружокъ“ 1 зр.

Отъ издательства.

Въ имя Господне розсылаемъ Ч 1. Починивши возможныи улучшенья въ издательствѣ побôльшивши объемъ „Друга“ не подвысшаючи предплаты, при такъ утяжливыхъ обстоятельствахъ, надѣемся, що и птч. Родимци попрутъ наши усилія.

Въ Администраціи получити можна еще рочники „Друга“ зъ 1874 г. по 2 зр. 70 кр. и зъ 1875 г. по 3 зр. 60 кр.

Въ пользу славянскихъ семействъ
пострадавшихъ во время смутъ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ И БОСНІИ

продается свѣжо появившаяся полу-историческая повѣсть подъ заглавіемъ

ПЕРЕКИНЧИКЪ.

Сочиненіе то можно получити по цѣнѣ **16 кр.** за экземпляръ въ книжной лавцѣ Ставропигійского Института **во Львовѣ.** Также можно замовляти посредствомъ русской Бесѣды **въ Черновцахъ** (у г. Вѣнцковского); посредствомъ редакціи „Русской Рады“ **въ Коломыѣ**; посредствомъ г. Анатоля Кордасевича (оконченого слушателя св. богословія) **въ Самборѣ** (Перемышльская улиця); посредствомъ г. Ивана Решетыла **въ Перемышли.**

Замовляющіи съ пересылкою подъ бандеролею добавляютъ 5 кр. на оплату почтовую.

Властитель и издатель „Академическій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчае Алексей О. Зафіовскій.

Изъ типографіи Института Ставропигійского во Львовѣ 1876.